

Предисловие

В начале карьеры во мне было много осуждения. Одиннадцать лет назад я приступила к работе судебного эксперта-психолога и не могла понять, как клиенты, взрослые, состоявшиеся люди, могут так изде-ваться над собственным ребенком.

Хорошо помню первую семью, которая пришла на экспертизу. Мальчик выглядел напуганным, сидел с опущенными глазами, на лице подергивались мышцы. Он боялся произнести что-либо, особенно правду о своих чувствах. Рядом с мамой сидел вполоборота и никакого желания общаться с ней не проявлял. Папа с горечью рассказывал: «Я приехал к сыну. Бывшая жена не открывает, а Ванька кричит из-за двери: “Папа, не бросай меня, пожалуйста, меня мама бьет”. Я вызвал МЧС и взломал дверь. После этого сына с синяками отправили в больницу, где диагностировали сотрясение мозга, а бывшую жену — в полицию».

С тех пор, все эти годы, я не раз убеждалась: заложниками конфликтных разводов взрослых становятся дети. Но я давно перестала клеймить, порицать расстающихся людей, которые «делят» ребенка. Ими, растерянными взрослыми, не сумевшими сохранить свои отношения в браке, движет боль, острое ощущение ненужности и внутренней пустоты. И когда ты как специалист это ясно понимаешь, то возникает желание не ругать и не осуждать, а помочь.

Это осознание пришло ко мне постепенно, на пятом году работы. И толчком послужила такая история. Однажды на экспертизу вошел мужчина, ногой открыв дверь. Не снимая верхнюю одежду, уселся на стул и буркнул: «У меня есть полчаса. Давайте ваши тесты». Все в нем выдавало человека с большими деньгами, апломбом. На лице — гримаса презрения и высокомерия. Он забрал на прогулке у мамы двухлетнего сына и около года удерживал у себя за забором, отказывая матери во встречах. Неприемлемый насилиственный поступок, не имеющий

оправдания. Через полчаса общения он обмяк. А еще спустя 20 минут — заплакал. Я попыталась его понять, а он, найдя сочувствие, которое не мог получить ни от кого, начал выпускать свою боль.

Мне стало очевидно: чтобы обезопасить ребенка, сначала надо помочь родителю, от которого он зависит. А для этого мне как профессиональному необходимо создать особое «бархатное» пространство, в котором человек начинает оттаивать и потихоньку отпускать ярость, горечь, обиды. Я стала решать эти проблемы на практике и убедилась, что иду верным путем.

Давайте попробуем разобраться, что же все-таки происходит в таких случаях. Почему большая часть разводов протекает в разрушительной форме? Измена, абьюз*, алкоголизм, бедность порождают в семье «вулканические» эмоции, которые взрослые даже и не думают сдерживать. В состоянии взаимного уважения браки не распадаются. Культуры цивилизованного развода с минимальными психологическими потерями в нашей стране, как и в любой другой, — нет. Видимо, так устроена человеческая психика: необходимого уровня осознанности и знаний в нашей обычной жизни не хватает. Бывшие муж и жена неспособны разделить роли супруга и родителя, и в итоге лавиной супружеского негатива накрывает ребенка.

Взрослые люди, состоящие в браке, помимо социальных ролей мужа и жены, являются папой и мамой. Развязывая в личных отношениях войну, они втягивают в нее ребенка. Несмотря на образование, профессию и семейный достаток, родители ведут себя как незрелые люди, вынося межличностный конфликт в сферу воспитания ребенка. В большинстве случаев мы видим, что родитель, с которым остается ребенок, настраивает его против бывшего супруга. Такого родителя мы будем называть «отчуждающим». Родителя, которого отстраняют от воспитания, мы будем называть «отчужденным».

Работая над книгой, я ставила задачу разобраться, благодаря каким проявлениям конфликтный развод пары смещается в детско-родитель-

---

* Абьюз — нездоровые отношения между людьми, связанные с давлением, принуждением или насилием, в том числе психологическим. Могут складываться в плоскости: взрослый — взрослый, а также взрослый — ребенок.

ские отношения. Я хотела проанализировать и понять истоки пагубного поведения обиженных взрослых и предложить работающие методики помочь всем, кто разводится. Надеюсь, эта научно-популярная книга будет полезна и доступна любому думающему взрослому, перед которым встали непростые вопросы налаживания отношений с собственным ребенком, пострадавшим в результате развода.

Почему эта тема так важна для меня?

Проводя регулярно, день за днем, более десяти лет судебные психологические экспертизы по гражданским спорам, я видела, что самые больные вопросы в парах связаны с «дележкой» детей: с кем из родителей лучше проживать ребенку, как и в каком формате он будет общаться с другим родителем. Таким образом, я получила уникальную возможность, с одной стороны, детально увидеть каждый развод и тщательно проследить семейную ситуацию со всеми индивидуальными особенностями, а с другой — выявить общие черты этого процесса, оценить комплексно, со всех сторон, интересы каждого члена семьи и, конечно, ребенка.

Так сложилось, что помогающие специалисты обычно работают с одним супругом, максимум — с двумя, либо с одним родителем и ребенком. Мое видение ситуации, основанное на экспертной работе, отличается от точки зрения большинства психологов. Я считаю, что категоричные определения: «правый / виноватый», «хороший / плохой» — заведомо пристрастны и проигрышны. Если специалист присоединяется только к одной стороне и отвергает другую, то спор в семье, как правило, не разрешается, а ситуация развода «разруливается» формально.

Поэтому я за многомерность, за рассмотрение конфликтной ситуации со всех сторон. Важными качествами работы специалиста в области разводов являются безоценочность и непредвзятость — именно они помогают грамотно проработать ситуацию и развернуть семью к примирению.

За годы практики у меня выработался интегративный взгляд на развод в семье, позволяющий понять истинную сущность конфликта взрослых. Я знаю, что чувствует каждый из разводящихся супружес, понимаю, как переживает самый уязвимый участник событий — ребенок. И своими основными задачами, как психолога, вижу: уберечь ребенка

от серьезной травмы и помочь родителям отказаться от наработанных чувств горечи, обиды и ярости. Независимо от происходящего в семье, добиться главного: поставить во главу угла благо маленького человека, который полностью зависит от взрослых.

К сожалению, даже если удается разрешить ситуацию в семье благоприятно для всех, проблемы не исчезают сразу после судебного разбирательства. Решения суда часто не выполняются, а бывает, что конфликт даже усугубляется. Я следила, как складывается семейная ситуация после судебных споров, и поделюсь с вами в этой книге своими размышлениями. И, наконец, в нашей стране мало психологов, глубоко разбирающих, да и вообще знающих проблему отчуждения*. Соответствующей литературы, к сожалению, нет. Психологов, специализирующихся на этой проблеме, тоже.

Именно поэтому моя книга посвящена способам поддержания эмоциональной связи с ребенком, которого «делят». Мы обсудим стратегии, которые использует отчуждающий родитель, и то, как им противостоять. А главное — узнаем, как в этой непростой ситуации отчужденный родитель может себя поддержать, чтобы обрести связь с ребенком, настроенным против него.

Я затрону причины семейных конфликтов, которые приводят к разводу и «разделу» детей. Расскажу, как создать условия, благодаря которым ребенок, напичканный искажающей информацией о втором родителе, начал раскрываться и пошел ему навстречу. Познакомлю с профилактическими мерами, помогающими не довести супружеские отношения до окончательного разрыва и оставить ребенку обоих родителей.

А теперь — к делу.

---

* Феномен отчуждения родителя — ситуация, при которой один родитель безосновательно, без весомых причин внушает ребенку неприязнь, ненависть ко второму родителю и настраивает против него.

Глава 1

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ РОДИТЕЛЯ. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Я начала работать в 2011 году. Психологические экспертизы по семейным спорам только набирали обороты — юридическая грамотность среди обычного населения выросла, и подкованный родитель стал активнее защищать свои права. Так как речь шла о ребенке и его судьбе, суд, призванный быть объективным, но при этом не обладающим специальным знанием, стал привлекать к работе психолога.

Когда ребенок, оказавшийся между двух разъяренных родителей в состоянии развода, заявлял: «Я хочу жить с мамой», «Я не хочу общаться с папой», сначала я принимала его слова за чистую монету. Но вскоре стала замечать, что дети говорят об этом как-то странно. Интонация, мимика, поза, жесты не соответствовали содержанию слов. «Мне хорошо с папой. Я спокойно и комфортно (думаю, понятно, чьи это слова?) с ним себя чувствую», — говорил мальчишка, сжав руки в кулаки и опустив глаза.

Я решила разобраться в этом: искала профессиональную литературу на тему своих наблюдений, но ничего не находила. И тогда начала проводить собственные научные исследования, делать заметки. Только спустя несколько лет «докопалась» до причин внутренних противоречий ребенка. Оказывается, есть такой феномен отчуждения родителя. Этот термин ввел американский психиатр Ричард Гарднер в 1985 году. В своей клинической практике он заметил, что в ряде разводов ребенок вынужден скрывать свое истинное отношение к родителю, транслировать «не свое» мнение.

Давайте для начала определимся с понятиями и сутью проблемы. Слово «отчуждение» (родителя) происходит от лат. *alienus*, что означает — «чуждый, другой». В процессе развода родной человек часто

перестает быть таковым и начинает опознаваться как «чуждый», ино-родный, ненужный. А кампания, запускаемая одним родителем в отношении другого, призвана очернить и безосновательно отстранить его от воспитания общего ребенка. Родителя, который остается с ребенком, мы будем называть «отчуждающим», а того, кто оказывается вне дома и вне семьи — «отчужденным».

Отчуждение может зародиться еще до развода. Например, если мама кидает фразы: «Ваш папа вечно пропадает непонятно где. Видимо, семья ему не нужна». Либо отец внушает детям: «Ваша мать — истеричка. У нее сплошная дурь в голове». В этих случаях в детской психике постепенно формируется негативный образ любимого родителя. Но в полной мере феномен отчуждения родителя расцветает после разрыва отношений. Значимый взрослый транслирует ребенку: «Твой папа / мама — чужой человек». Ребенок верит тому, с кем живет, и «присваивает» себе это убеждение, привыкая к тому, что второй родитель — это кто-то «не свой». А значит, его, чужого, можно истреблять, обижать. Так появляются грубость, оскорблении со стороны ребенка / подростка, отказ от встреч с ранее любимым (иногда боготворимым) родителем.

Еще один важный термин, которым я буду пользоваться в этой книге, — «психогенная индукция». Только на первый взгляд понятие кажется сложным, давайте разберем его по словам. «Психогенный» (от греч. *psυchē* — душа, дух; от греч. *genesis* — начало, происхождение, рождение) — значит, имеющий психологическую природу. «Индукция» здесь в психологическом контексте означает «внушение». Это явление, при котором родитель влияет на мнение ребенка, навязывая свою позицию, и в итоге формирует негативный образ другого родителя, считают специалисты института Сербского*.

Итак, мы имеем трех основных участников. Попробуем их квалифицировать относительно разобранных понятий. Отчуждающий родитель или родитель-индуктор — тот, который безосновательно

---

* Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. Вып. 3 (35). С. 93—106.

внушает ненависть сыну / дочери ко второму родителю. Отчужденный родитель или родитель-мишень — тот, к кому внушается неприязнь и отвращение у ребенка. И, наконец, сам ребенок, который испытывает психотравмирующий внутренний конфликт, так как отчуждение противовесственно, идет вразрез со встроенной природой детской программой привязанности.

Биологически ребенок любит обоих родителей. Родительское отчуждение может принимать форму легкого, едва заметного очернения, и заканчиваться агрессией и принудительным контролем, которые, в итоге, приводят к полному отказу ребенка от контакта с родителем-мишенью. При этом важно отличать отчуждение от оправданного отстранения. Например, если ребенок наблюдал алкоголизм, пережил избиение, неуважение, травлю со стороны мамы / папы, то он четко и обоснованно мотивирует свою позицию и оправданно дистанцируется.

В таком случае причины игнорирования родителя и негативного отношения к нему понятны. Приведу пример:

Мальчик (11 лет) уже год живет с отцом. Его родители спорят о месте жительства и пришли с этим вопросом в суд. Папа рассказывает «ужасающие» истории: «Дело было в октябре прошлого года. Сын позвонил мне и, рыдая в трубку, попросил забрать. Сказал, что больше не может жить с матерью и ее сожителем. Я сорвался. Только с полицией смог войти в квартиру и забрать ребенка с собой.

По приезду мы пошли на кухню — попить чай и немного успокоиться, сын рассказал, как сожитель мамы раздевал его, ставил лицом к стене и бросал в него дротики. Избивал. На его жалобы мать говорила: “Это твой новый папа. И воспитывает так, как считает нужным”.

Сын стал проживать со мной. Мама никакого желания общаться с ребенком не проявляла. Раз в неделю звонила в нетрезвом состоянии. Я слышал, как сын ей кричал в трубку: “Я тебя ненавижу и видеть не хочу”. Я понял, что сына здесь больше оставлять нельзя».

Мать все отрицает. Полагает, что у сожителя и сына сложились прекрасные отношения. Во время беседы женщина то и

дело отводит глаза. Обсуждает судьбу сына, рассматривая свой маникюр.

Мне было интересно, что скажет мальчик. Он заявил следующее: «Хочу жить с папой. Папа заботится обо мне. Я начал выигрывать в конкурсах, заниматься плаванием. У меня появились друзья в новой школе. У мамы надо мной издеваются. Мамин муж берет мою голову и бьет ею о стену, если я не понимаю задачу. Он раздел меня и кидался дротиками. Когда он попал мне в руку, мама смеялась. Она не заступилась за меня». Мальчишка заплакал...

Горькая история. Ребенок испытал унижение достоинства — причем не столько со стороны «чужого дяди», сколько со стороны родного человека — мамы, которая отказалась защищать сына. Вот это и есть оправданное отстранение. Вернемся к теме отчуждения.

В психологии отчуждение родителя квалифицируется как эмоциональное насилие. Вы наверняка слышали такое понятие — абыз. К сожалению, при разводе процветает страшная практика взрослых людей — втягивать собственных детей, неспособных противостоять этому, в абызовивные, нездоровые отношения.

В судебной практике термин «эмоциональное насилие» пока не прижился. Юристы, привыкшие к фактам, точной терминологии, не могут его принять. Что такое физическое и сексуальное насилие — понятно, как и доказательная база, его фиксирующая. А какие осозаемые признаки есть у насилия эмоционального? Все, что происходит внутри ребенка, находится в незримом пространстве и скрыто от чужих глаз. Не только от адвокатов и юристов, разбирающих дела в суде, но и для самих родителей.

Для большинства взрослых подобного вида эмоционального насилия тоже не существует. Но нужно помнить — если нет эмоционально ярких проявлений, это не значит, что ребенок не переживает и для него развод родителей проходит бесследно. Выкинутый из жизни любимый родитель — психотравмирующий опыт для любого ребенка. Напряженные конфликты мамы и папы истощают. Любопытство, непосредственность восприятия, радость жизни — источники детского ресурса — накрывает полотно враждебности. Малыш обделен: ему уже

не до познания мира, общения, творения. Детская энергия уходит на сбережение остатка сил. В таком состоянии сложно и даже невозможно учиться. Трудно беззаботно, легко контактировать с другими ребятами, особенно с теми, у кого благополучная ситуация в семье. Это порождает сравнение, зависть и чувство вины. Что уж говорить о достижениях и о созидании — на это не хватает жизненного тонуса.

Астения, то есть слабость, упадок, проявляется в детских рисунках. Ребенок отказывается раскрашивать изображенный им мир. Эксперт в области психологии цвета — Б.А. Базыма — считает, что своеобразный «страх» ярких, интенсивных цветов наблюдается в состоянии бессилия, истощения. Приведу пример:

На встречу пришла семья. Родители спорили о месте жительства дочери Анны. Состояние девочки удручало. Аня произносила минимум слов, плечи и глаза опущены. Вся ее сущность безмолвно кричала: «Оставьте меня в покое!». Я попросила ребенка нарисовать «несуществующее животное» — плод ее воображения. Она изобразила нечто простым карандашом — без глаз, ушей, рта. Животное мечтало перелететь на другую планету и насытиться едой, съесть как можно больше. В таком ответе явствует неудовлетворенная потребность Ани наполниться энергией.

Одну из картинок девочка прокомментировала так: «Малыш спит. Мама и папа стоят рядом и поют колыбельную». В такой емкой и короткой реплике отражена просьба Ани. Просьба диалога между значимыми и близкими для нее людьми. Ей хочется восстановить собственный эмоциональный ресурс за счет единения родителей.

Или еще аналогичный случай:

«Два месяца я живу с папой. Мама хочет, чтобы я жила с ней. Родители из-за этогоссорятся», — с горечью произносит девочка пяти лет. Спрашивать малышку, как хочет она, смысла нет. Не ответит или скажет не то, что на самом деле желает. Прошу нарисовать вымышленное существо. На листе бумаги появилась

сочная разноцветная бабочка с павлиньим хвостом. Без лапок. Спрашиваю: «Как же бабочка будет ходить?». Девочка отвечает: «Она не может ходить».

При всей живописности насекомого, зрелище удручающее. Красуется овальное тело с крыльями, хвостом — и без единой конечности. Всего несколько месяцев кипучего спора родителей, а малышка уже не чувствует опоры и устойчивости.

Используя авторскую методику М.З. Дукаревич «Рисунок несуществующего животного», я заметила стереотипные сюжеты в детских рассказах о вымышленном существе. Ребята, чьи родители состоят в конфликтном разводе, дают такие ответы:

- животное любит фотографировать, снимки отправляются в дом, вмонтированный в туловище существа, но голова не пролезает внутрь, посмотреть на сделанные фотографии животное не способно;
- животное любит летать на другие планеты, мечтает полететь на планету Земля, но это запрещено;
- животному с крыльями нельзя летать;
- существо хочет переехать в город, но воздух там отравлен, невозможно дышать и пр.

Налицо фрустрированная потребность — желание, которое не может быть реализовано. Теплый контакт с папой и с мамой — базовая потребность любого ребенка. Если у малыша блокируется близость со значимым, «своим» взрослым, то в него врастает субстанциональная тревога, теряется чувство безопасности. А это угрожающее состояние, иногда доходящее до невроза.

Детские переживания в ситуации отчуждения родителя сродни проживанию потери. Но они имеют собственную специфику. Когда малыш долго разлучен с любимым родителем, его психика запускает процесс горевания, предусмотренный природой. Это интенсивная эмоциональная реакция, вызванная утратой близкого человека, с которым была сильная связь. Отчуждающий родитель (или родитель-индуктор), с которым ребенок проживает, негласно вводит запрет на проявляемые им душевые страдания.

Мальчик / девочка испытывают болезненные эмоции — глубокую печаль и скорбь, но проявить их не могут. Родитель-индуктор, в свою очередь, не способен выдерживать такую «переживательную» нагрузку. Ему бы со своими чувствами справиться. Вот он и совершает (часто поневоле) эмоциональное насилие. Тоже не от хорошей жизни. Цикл стресс-реакции для благополучного исхода необходимо завершать. Оптимальный вариант — через тело. Но ребенку нельзя. Нельзя жалеть, нельзя грустить, нельзя гневаться. А в некоторых случаях с подачи взрослого-индуктора вообще желательно радоваться избавлению от «некошерного человека».

Таким образом, запущенный природой процесс горевания не находит выхода. И тогда ребенок / подросток замораживается. Отсекает у себя сферу чувствований, перестает что-либо желать. Чтобы не терпеть невыносимую эмоциональную перегрузку, лучше заледенеть.

Отчужденный родитель также испытывает сильную боль, и причин этому много:

- нарушение контакта с ребенком — потеря радости общения с сыном или дочкой;
- ребенок неподобающе себя ведет, вплоть до оскорблений, и как результат — нарастающая дистанция;
- эмоциональное истощение;
- ощущение безысходности — выхода из сложившейся ситуации нет;
- ненависть к бывшему супругу.

Западные коллеги отмечают, что степень депрессии максимальна у тех взрослых, которые не живут со своими детьми или активно с ними не связаны. Ребенок есть, а воплотить родительскую роль невозможно. Сложности распространяются и на другие сферы жизни. Растет чувство одиночества, при этом теряется способность формировать и поддерживать новые отношения. Возникают трудности концентрации на работе, падает мотивация, у некоторых за этим следует увольнение.

И в этом состоянии зажатого прессом горевания, депрессии и истощения от борьбы выброшенный родитель пытается восстановить связь или вернуть ребенка. Убеждена, что проблема решается в обратном направлении. Сначала — реставрация эмоционального статуса и проработка психологической травмы, вызванной ядерным разводом.

И только потом, в состоянии ресурса — воссоединение с любимым сыном / дочкой.

А теперь поговорим о проблемах противоположной стороны: отчуждающего родителя. Родитель-индуктор на самом деле страдает не меньше, чем все участники процесса. Им двигает «зияющая душевная рана» — чувство отверженности, травмы детства, неудовлетворенность собой, чувство неполноты и ничтожности. Подробнее я коснусь этого дальше. Возможно, после прочтения следующей главы у вас зародится хоть немного сострадания к нему. Мне бы хотелось на это надеяться.

Сострадание — мощный механизм растворения ненависти в целом и разрешения конфликтного развода в частности.

Итак, давайте подведем **итоги первой главы**:

1. В процессе развода все его участники являются пострадавшими сторонами. У каждого в семье — своя правда, и психологу важно помочь каждому, так как все в большей или меньшей степени травмированы.

2. Самой большой психологической нагрузке подвергается ребенок, в силу возраста не способный противостоять влиянию любимых родителей.

3. Худший вариант развития семейных событий после развода — внушение ребенку одним из родителей негативного отношения ко второму родителю. Названий у этого феномена много — отчуждение, индукция, эмоциональное насилие, абыуз. А результат плачевный — психологическая травма у ребенка, с последствиями которой можно бороться всю жизнь.

4. Многие люди в ситуации конфликтного развода, в состоянии ожесточения и крайнего напряжения бегут за помощью к третьим лицам — в опеку, к адвокатам, судьям. Попытки воздействовать на бывшего(ую) супруга(у) через давление проваливаются. Потому что действия проистекают из озлобленности, обиды, страха. Я убеждена, что первый шаг — реставрация собственного состояния. И только потом — остальные шаги.

5. Попытка (хотя бы очень небольшая) понять действия второй стороны, увидеть в них его правду и позицию — пусть даже аналогичную, осуждаемую обществом — может сформировать чудо диалога. О том, что движет родителем-индуктором, разберем в следующей главе.

Глава 2

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ. ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИСХОДИТ?

Как известно, у любого явления, в том числе в психологии, есть причина, исходная точка, из которой оно берет свое начало.

Зачем нам возвращаться к истокам феномена отчуждения родителя, искать причины, то самое начало?

А дело здесь вот в чем. Отчетливо понимая, что питает деструктивное развитие событий в ситуации развода, мы можем взять бразды правления в свои руки. И начать управлять событиями. Когда становится ясно, какая боль руководит действиями родителя-индуктора, можно попробовать ее нейтрализовать. А значит, не допустить разрушения связи ребенка с мамой или папой. И сохранить контакт сына / дочери с обоими значимыми взрослыми. Но самое главное — отдавая себе отчет, в чем корень проблемы, можно избежать повторения данного сценария в будущих отношениях.

Итак, давайте разберем пять причин появления родительского отчуждения.

Причина 1. Реконструкция прошлого опыта и/или травма отчуждения в детстве

Ричард Уоршак в книге «Яд развода» отмечает, что в малолетнем возрасте родитель-индустрор имел плохие и/или холодные отношения хотя бы с одним из родителей. Этот шаблонный механизм взаимодействия

ствия в семье впитывается ребенком на подсознательном уровне и во взрослой жизни воспроизводится с собственными детьми.

Еще Зигмунд Фрейд писал о компульсивном (навязчивом) стремлении человека к повторению прошлых переживаний. Так, беспомощная жертва может ощутить свое могущество и, испытывая силу, власть, наносит травму более слабому существу. И многие застревают в этом ощущении, повторяя свои действия снова и снова.

Все логично.

Действительно, в детстве родитель-индуктор чаще всего воспитывается одним взрослым — мамой. Отец, как правило, присутствует эфемерно, реального общения с ним не происходит. Еще один вариант — жестокое обращение с ребенком и насилие в семье будущего родителя-индуктора. А в своем настоящем он воспроизводит безжалостное и бесчеловечное отношение к детям, эмоционально и/или физически подавляя их волю.

А вот случай из практики:

Женщина, 37 лет. По молодости вышла замуж. Супруг много работал и хорошо зарабатывал. При этом все свободное время проводил с детьми: летом — прогулки в парке, катание на велосипеде, скейте. Зимой — снежные горки, коньки, лыжи. Активное и веселое времяпрепровождение — все вкладывал в семью.

Разошлись по причине эмоциональной разобщенности. Жена жаловалась, что муж — «сухарь», не проявляющий к ней тепла и заботы. Супруге не хватало внимания лично к ней, и она требовала этого постоянными истериками и драками.

После развода женщина начала настраивать детей против отца. Заставляла их говорить: «Папа, ты мерзавец. Ты нам не нужен. Не пиши и не звони». Записывала на видео подобные сообщения детей и отправляла бывшему мужу.

Обратимся к ее детству. Фигура отца у этой женщины связана с алкоголем и безразличием. Он много пил, закрываясь в комнате. Ни о каком общении, поддержке, добрых словах даже не шло речи. С детства у девочки сформировалось убеждение, что мужчине в семье нет никакого дела до близких.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru